

А ГОЛОС ТАК ДИВНО ЗВУЧАЛ

Воспоминания старой «лемешистки»

Сегодня, исполняется 100 лет со дня рождения народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР, солиста Большого театра **Сергея Яковлевича Лемешева**.

Наталья БАЛАШОВА

Я «заболела» Лемешевым школьницей. Две мои одноклассницы были яркими меломанками: одна - «лемешистка», другая - «козловистка». Что, между прочим, не мешало им дружить. Я же была страшной приверженницей драматического театра, не пропускала в Малом и МХАТе ни одной премьеры. В Большом тоже бывала, конечно, но специально на каких-то певцов не стремилась. А еще чуть ли не всем классом мы любили ходить на концерты в Колонный зал Дома союзов. Так, большой компанией, оказались мы однажды майским вечером в Колонном зале на концерте заслуженного артиста, орденосносца (в те довоенные годы было принято отмечать на афишах наличие правительственных наград у артистов) **Сергея Яковлевича Лемешева**.

На сцену легкой походкой вышел стройный, изящный молодой человек потрясающе красивой наружности. Зал встретил его аплодисментами. Склонив голову, он поклонился публике, правой рукой оперся на рояль и, когда стихли аплодисменты, кивнул слегка аккомпаниатору. Первые звуки рояля - и голос необыкновенной, неслыханной красоты нежно поплыл под сводами зала. Программа концерта была смешанной: романсы, русские народные песни, арии из опер... После каждого номера - неистовство зала. Певец кланялся и с какой-то даже недоуменной улыбкой - чего же вы, люди, так уж неистовствуете! - ждал, когда можно продолжить пение. Помню, что в антракте я не побежала со всеми в буфет за мороженым. Покоренная, ошеломленная, я сидела на балконе (там были самые дешевые места), пытаюсь осмыслить, осознать явленное мне чудо. Неколебимо утверждаю: сколько бы прекрасных, блистательных, с мировым именем лирических теноров ни доводилось мне потом слушать на протяжении десятков лет, нет и не было голоса прекраснее. Небо даровало Сергею Яковлевичу, крестьянскому сыну из Тверской губернии, уникальный, неповторимый голос и прирожденный, никакими школами не достигаемый артистизм. С того майского довоенного вечера я и «заболела» Лемешевым.

Первым делом, разумеется, кинулась к «лемешистке» Тусе за разъяснениями и советами: как

проникнуть в их «лемешистское» сообщество, каким образом заранее узнавать о спектаклях с его участием, где доставать билеты. «Козловистка» Кира пыталась перетянуть меня на свою сторону, но я стояла как скала: Лемешев, и никаких Козловских! Хотя признавала за Иваном Семеновичем и чудесный голос, и высочайшее мастерство, и природный талант.

За билетами отставали по ночам, не считаясь с временем года. Зимой грелись в подъездах соседних домов (о кодовых замках и домофонах тогда никто и понятия не имел, их просто еще не изобрели). Покупали самые дешевые, входные, а уж потом - кому как повезет: «протыриться» в ложу бельэтажа или сверху посмотреть случайно пустующее место в партере. Ходили в основном в филиал Большого (нынешнее помещение Московской оперетты), где чаще всего пел Лемешев в «Травиате», «Риголетто», «Евгении Онегине», «Дубровском»... «Князь Игорь», «Снегурочка» - это уже сцена Большого.

Какую роль, а их было множество, можно считать у Лемешева лучшей - судить не берусь. По мне - каждая была лучшей. Да это и вправду так, потому что не только божественный голос даровала ему природа, но и талант драматического артиста. Каждая вокальная партия была им прожита, мастерски отточена, психологически выверена. Отсюда его магическое воздействие на зрительный зал. Ему внимали заворожено.

И все-таки, пожалуй, самым многогранным был его герцог Мантуанский в «Риголетто». Ведь в этой опере герой трижды преобразался: из легкомысленного жуира, властелина, окруженного подобоострастной свитой, в бедного, робкого юношу, якобы случайно встретившего невинную Джильду и очаровавшегося ее красотой, а потом новое превращение - в искателя ночных приключений, не брезгующего любовью простолюдинки Маддалены, сестры держателя сомнительного притона. И с каждым превращением менялись не только костюм и внешность героя артиста, но и манера пения, модуляции голоса, его интонации. Во дворце голос герцога обретал холодную окраску, с Джильдой становился нежным-нежнейшим, как дуновение легкого ветерка, с Маддаленой звучал победительно, торжественно.

Сколько лет минуло, а стоит закрыть глаза - и перед мысленным взором встает веранда дома Спарафучиле, окутанная мраком ночи, герцог в бархатном камзоле, жадно обнимающий притворно вырывающуюся из его рук Маддалену, и торжествующий голос, в полную силу бросающий вызов небу: «Сердце красавицы склонно к измене... но изменяю им прежде я». Незабываемый, удивительный голос.

С «Евгения Онегина» мы, разумеется, сбегали после сцены дуэли. Там уже дальше слушать, по-нашему, было нечего. «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни» было, бесспорно, коронным номером Лемешева. А ведь сидел его Ленский в черной крылатке и собольей шапке на бутафорском пенечке слева и чуть в глубине черной пустой сцены, выхваченный из темноты голубоватым лучом софита, и всего-навсего словно бы мысленно вслух. Но какой силы трагизма достигали мягкие интонации этого голоса, какого осознания реальной возможности печального конца. Спазм невольно перехватывал горло, слезы сами собой наворачивались на глаза. В зале начинали мелькать белые платочки.

Наверное, я все-таки была непоследовательной «лемешисткой»: не сбегала с уроков, чтобы встретить у актерского подъезда Большого театра выходящего с репетиции кумира, не оторвала с его пальто ни одной пуговицы на

память. Да и на спектакли бегала не на все подряд, а раза два, три в месяц. Однако ж и мне достался однажды холодный душ из окна лемешевской квартиры. Кажется, после «Онегина». Мы гурьбой провожали Сергея Яковлевича до дома (он жил тогда в переулке напротив филиала МХАТа окнами во двор), и после того, как, отбившись от нас, он скрылся в подъезде, еще долго галдели во дворе. То ли он сам, то ли кто-то из его домашних не выдержал, распахнул окно и выплеснул на нас кувшин воды. То-то радость была! Каждой хотелось верить, что это из его собственных рук пролился на нас холодный душ. А время, между прочим, было холодное, осеннее.

Не забыть мне его царя Берендея в «Снегурочке». До чего красив, ласков был его седовласый мудрый правитель сказочного царства. С какой отеческой заботой обращался он к оскорбленной изменой Мизгиря Купаве: «Сказывай, девушка, сказывай, милая». Голос вибрирует, в нем волнение и тревога. А как увидел Снегурочку красоту, на мгновение растерялся и тут же возликовал; голос полился радостно, широко.

Владимир Игоревич в «Князе Игоре», Дубровский в одноименной опере, Альфред в «Травиате»

- каждая его ария продолжает звучать во мне, стоит только вспомнить, каким он был в роли. Сколько страсти, сколько гнева было в мгновенно ожесточившемся голосе, когда его Альфред на балу швырял к ногам Виолетты деньги с отчаянным криком: «И за любовь, за ласки, за все я ей плачу!» Виолетта - в обморок, Альфред - вон из залы, публика в оцепенении, мороз по коже.

И был еще один концерт, навсегда врезавшийся мне в память.

Зимняя военная Москва. Колонный зал. Концерт Сергея Яковлевича Лемешева. Программа - романсы Чайковского. Концерт дневной, потому что с вечера - комендантский час, хождение по городу запрещено. В зале, как и во всей Москве, холод. Он выходит, как всегда, элегантный, в концертном костюме, и переполненный зал, наполовину, если не на две трети военный, встречает его бурей аплодисментов. И он поет, поет, как будто нет за стенами зала войны, после каждого отделения бисирует еще по три, четыре номера. Зал его не отпускает, не в силах отпустить. И он снова и снова выходит на поклон.

Уж не знаю кто - небесные силы, природа, Бог - взял артиста под свое покровительство, но до самого последнего часа он оставался по-прежнему красив, артистичен, элегантен и пел, сохранив свой единственный, неповторимый, волшебный, чарующий голос. И никто больше так уже не пел. Нигде, никогда. Потому что повторить, подражать этому голосу невозможно. Он был дарован только одному певцу Лемешеву, и никому больше.

Если бы не «железный занавес», отделявший в годы жизни Лемешева СССР от остального мира, певец стал бы достоянием всей планеты, его бы знал и че-

ствовал сегодня, в день 100-летия, весь земной шар. Не случилось, увы. Но те, кому довелось хоть раз его услышать, уже никогда не забудут. В памяти видевших и слышавших его он навсегда остался молодым и прекрасным - певцом, артистом, человеком.

Мы помним и любим вас, Сергей Яковлевич!

На снимках: С. Я. Лемешев в роли графа Альмавива («Севильский цирюльник»); на избирательном участке с дочкой Машей, 1950 г.

Лемешев Сергей Яковлевич

10.7.02